

страна востока

...ведь целью нашей была не просто страна Востока,
или, лучше сказать,
наша страна Востока была не просто страна,
не географическое понятие,
но она была отчизной и юностью души,
она была везде и нигде,
и все времена составляли в ней
единство вневременного.

Г. Гессе

Глеб Шульпяков

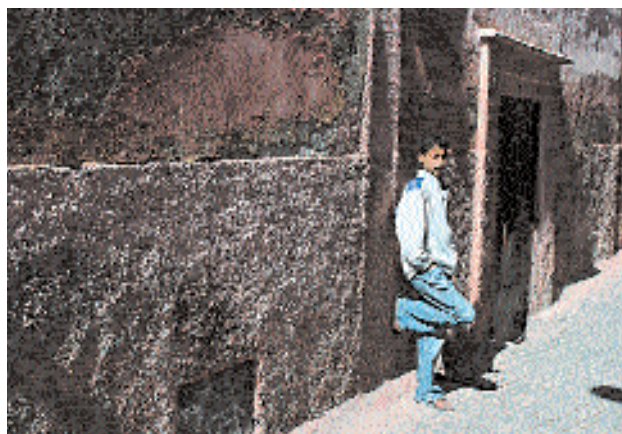
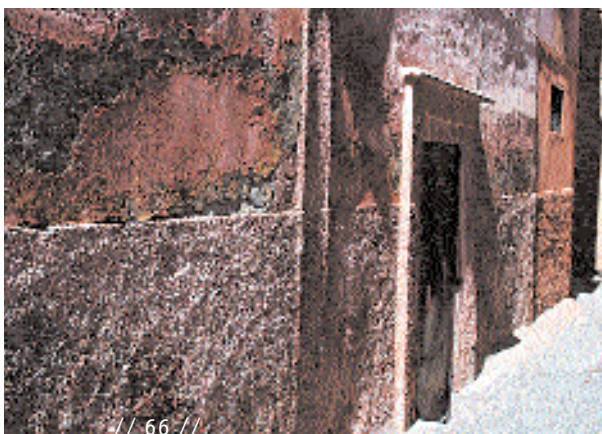
ДЖЕМА АЛЬ-ФНА

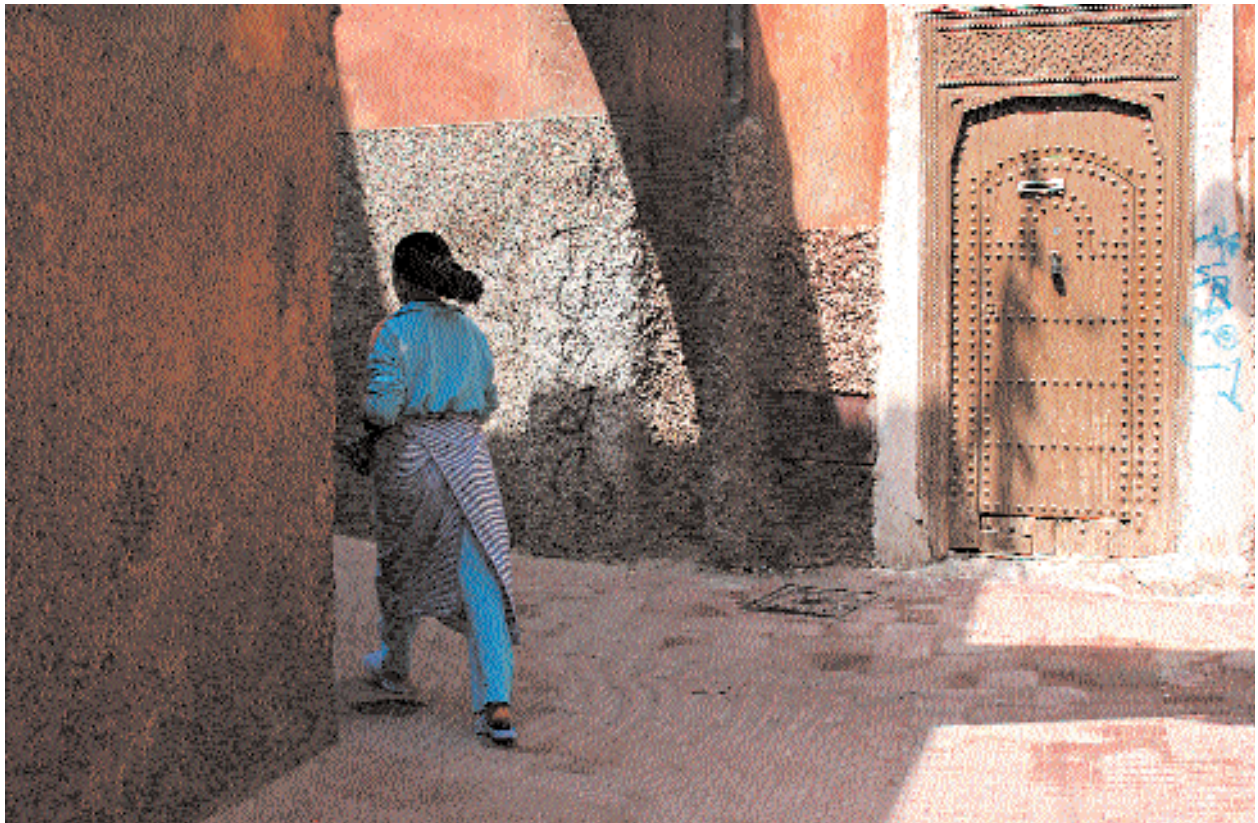
Диптих

Магия древних мусульманских городов – в том, что они выражают жизнь человека. Каждый такой город есть метафора бытия на уровне ландшафта. Физиология человека и его метафизика, явленная уже в застройке, в топографии: буквально. Этот эффект мне удалось ощутить в полной мере только в Марракеше. На площади Джема аль-Фна, среди перепуганных туристов – под крики музыкантов и акробатов, торговцев – метафора жизни в формах города открывалась, как суры Корана, разом.

Моё погружение в город начиналось от Кутубии. Пространство вокруг главной мечети города было очищено от торговцев и извозчиков, попрошайек и жуликов. То есть от азиатчины. Оно выглядело безлюдным и пустым, прозрачным. Здесь легко дышалось, и ты чувствовал себя беззаботно и в то же время торжественно.

И начинался спуск на площадь.

Джема аль-Фна – это вечный движок, мотор. Одинаковое действие свершается на ней две тысячи лет, бесперебойно. У тебя жизнь пройдёт, другая начнётся – а здесь ничего не изменится. Всё так же будут стучать африканские барабаны. Всё так же будут торговать мясом и хлебом, апельсиновым соком. Водить на веревке хамелона, жечь кострища.

И всё так же будут сидеть вокруг костров люди – и слушать «Сказки тысячи и одной ночи».

Те же люди, те же сказки!

Так тебе, во всяком случае, кажется. Поскольку люди одеты в джеллабы и выглядят одинаковыми, как солдаты.

Сколько бы ни говорили о «туристичности» Марракеша, довод «против» только один, и он исчерпывает тему. Поскольку язык представлений на площади –

арабский. И полноценные участники спектакля – местные, горожане.

Глядя на то, как кипит и бурлит площадь, я думал, что символическая пара «Кутубия – Джема аль-Фна» – есть идеальная метафора начала жизни человека. В которую тот вступает чистым, беспомощным. Полным иллюзий, что все пути открыты, и они – праведны. Ему ещё неизвестно, что всё предрешено и расчислено. Что ни один волос не упадёт с головы случайно. Что судьба записана «в уголках глаза», просто он её пока не чувствует. И слепо следует туда, где соблазны, искушения. Страсти, страхи – и наслаждение.

Укротитель змей дрессирует гадюку, и ты можешь сыграть у мешка на дудке. На поводке водят макаку, гиену. Хамелеона. Цена – копейки, механизм прост. Ты покупаешь, потом за ненужностью отпускаешь, и тварь бежит обратно, к хозяину.

Старухи-гадалки, у них можно узнать будущее и поменять прошлое. Поменять прошлое! Это меня почему-то особенно интригует. И я смотрю, как кувыркаются карлики, лилипуты, уроды. Чумазые дети. Завывают косматые дервиши. И как предлагаются девушки.

А рядом – быт, проза. Стригут-бреют, ткут и пудрят. Варят. Жарят. Шинкуют. Отчего над площадью стоит не только вечный шум, но и дым.

Мне кажется, что передо мной наглядный, осязаемый и обоняемый аналог человеческих искушений. Успехом

и славой, легкими деньгами. Мнимым величием. А также аллегория человеческих пороков: чревоугодия, похоти, гордыни.

Чем кончается жизнь, полная искушений и соблазнов? Человек сходит с ума, теряет рассудок. Попадает в собственный кошмар, в сон. В чёрные щели узких переулков, куда стекается людская толпа, – и исчезает.

Там, в густых и вонючих, как борода бродячего дервиша, улочках страшно и интересно. Преисподняя наспигована прилавками, лавчонками. Сатана собрал тут все диковины, рождённые сном разума, – и выставил за копейки.

В этом безумии, в полусне человек проводит ещё некоторую часть жизни (а турист часть суток). Человек прячется в собственном кошмаре, в своей болезни – как в коконе! Бывают такие периоды, когда ему хорошо там, в тёмных коридорах собственного подсознания! Где можно прожить жизнь, и не заметить.

А можно пройти насквозь – и выйти на чистый воздух.

За inferнальным кварталом торговых рядов, после чёрных щелей медины – далеко за площадью Джема аль-Фна – есть новая жизнь. Тому, кто прошёл этот путь в трезвом уме и здоровой памяти, дано «истинное просветление».

«Райские сады» – переводится название тех далёких обетованных районов.

Эта метафора буквальна.

2

«Спутник находится в мёртвой зоне...»

.....находится в мёртвой зоне...»

Марракеш!
Розовые дёсны старого города.
Белые спутниковые тарелки
зря сканируют небо –
ни дождя, ни фильма небо им не покажет.
Погасла чёрная теле-кааба.
И город под вечер идёт на площадь.

Головы. Головы.
Головы. Головы. Головы.
Голос на башне хрипит и стонет.
Все на молитву! Но голос никто не слышит.
Сотни рук выстукивают барабаны.
Сотни губ вытягивают флейты.
Сотни ртов выкрикивают слова –
и площадь затягивает меня в воронку.

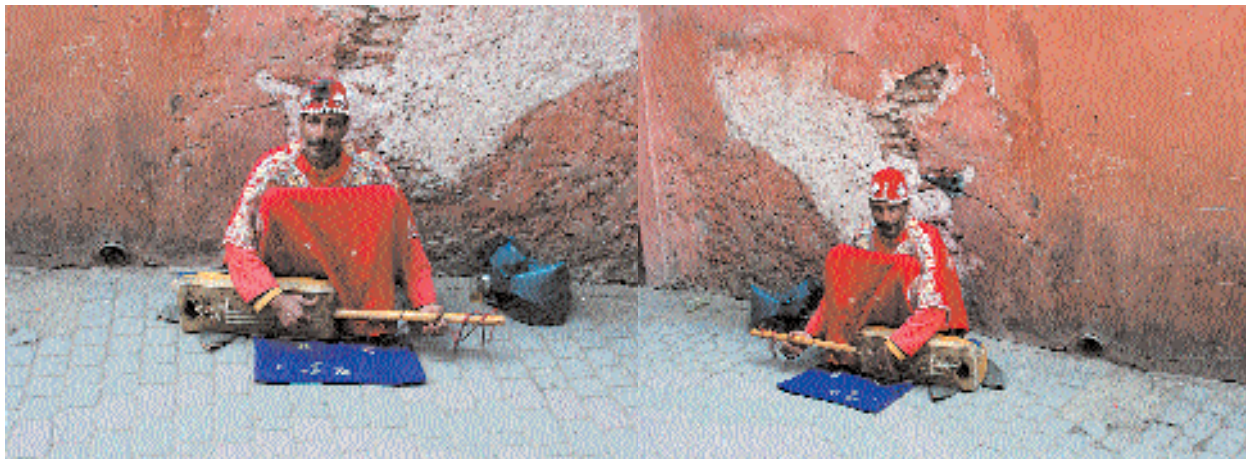

«Что бы вы хотели, мсье?» –
слышу возбужденный шепот.
«Qu'est-ce que vous voulez?» –
Я отмахиваюсь:
«Не хочу смотреть гробницы Саадитов».
«Не хочу слушать сказки тысячи и одной ночи».
«Не хочу пробовать печень хамелеона».
«Ни будущее, ни прошлое менять не желаю».

«Так что бы вы хотели, мсье?» –
не унимается тип в полосатой джеллабе.

«Можешь мне вернуть «я»?» – спрашиваю.
«Нет ничего проще, мсье!»
Он покорно опускает веки –
виден лиловый узор, которым они покрыты.
«Идём до квартала двойников».
Тому, кто твой, положишь руки
на темя – так, смотри».
Грязные ладони складываются «лодочкой».
«И всё?» – «Всё». Улыбаясь, он
обнажает кривые белые резцы.
«Combien? – Сколько?» – «Сколько
Аллах подскажет сердцу».

Широкая, как жизнь, площадь
стекает в адские трещины улиц.
Утроба города урчит и чавкает.
В темноте на прилавках
все сокровища мира. Но где
полосатый балахон?
Еле успеваю за провожатым.

«Пришли!»
Под коврами, в шерстяном капюшоне
некто устался в пустой телевизор –
рядом на ступеньке чай, лепешка.
Он подталкивает: «Пора, друг».
Замирая от страха, складываю руки, и –
.....
.....

«Я – продавец мяты, сижу в малиновой феске!»
«Я – погонщик мула, стоптанные штиблеты!»
«Я – мул, таскаю на спине газовые баллоны!»
«Я – жестянщик, в моих котлах лучший кускус мира!»
«Я – кускус, меня можно есть одними губами!»
«Я – ткач, мои джеллабы легче воздуха!»
«Я – воздух, пахну хлебом и мокрой глиной!»

Теперь, когда меня бросили одного посреди медины, я с ужасом понял, что я – это они: продавцы и погонщики, зазывалы и нищие, ремесленники и бродяги; что я смотрю на мир их чёрными глазами; вдыхаю дым кифа их гнилыми ртами; пробую мятный чай их шершавыми губами; сдираю шкуру с барана их заскорузлыми руками; что мне передалась тупая поступь старого мула; то, как зудит лишай на бездомной кошке. Я хотел найти себя, но стал всеми! всеми! стою – и не могу сойти с камня...

.....

В этот момент вспыхивают экраны –
спутник вышел из мёртвой зоны!
и город отворачивается к телевизору.
А я застыл посреди базара
и не понимаю: кто я? что со мной?
«Мсье!» – слышу над ухом строгий голос.
Это говорит офицер, патрульный.
«Ваши документы, мсье!»

– Мне кажется, что я не существую..
– Кому кажется, мсье?

Глеб Шулпяков – поэт, прозаик, эссеист.
[www. shulpyakov.ru](http://www.shulpyakov.ru)